

Посвящаю эту книгу любимому

учителю моему

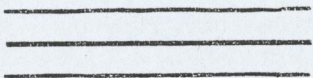
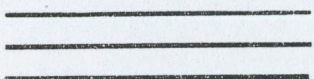
Федору Александровичу

Брауну.

Данте. 37 59.6.19

„НОВАЯ
 ЖИЗНЬ“
(Vita nuova)

Переводъ въ стихахъ съ введеніемъ и комментариемъ
проф. М. И. Диверовской.

САМАРА.
Типография Штаба 4-й армии
1918 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Вступленіе.

Въ той части книги памяти моей, раньше которой мало что можно прочесть, находится рубрика гласящая: *incipit vita nova* — начинается новая жизнь. Подъ этого рубрикой я нашелъ начертанными тѣ слова, которыя имѣю намѣреніе собрать въ этой маленькой книжкѣ и если не всѣ слова, то, по крайней мѣрѣ, ихъ значеніе.

ГЛАВА I.

Уже девять разъ послѣ моего рожденія обернулось небо свѣта въ своемъ вращеніи почти до прежней своей точки, когда моимъ глазамъ явилась впервые пресвѣтлая донна моихъ воспоминаній, которую многіе называли Беатриче, не зная кого они такъ называютъ.

Она пробыла уже въ здѣшной жизни столько, что за это время звѣздное небо подвинулось къ востоку на одну изъ 12-ти частей градуса, такъ что она явилась мнѣ на 9-мъ году своей жизни, а я ее увидѣлъ почти въ концѣ моего девятаго года *). Она предстала предо мною одѣтая въ благороднѣйшій цвѣтъ, скромный и благопристойный — кроваво-красный, опоясанная и украшенная такъ, какъ подобало ея юному возрасту. **)

*) Солнце называется «великое свѣтило, свѣтило міра, въ Пургаторіи XXXII, 52. Считалось, что оно вращается со своимъ небомъ вокругъ земли въ теченіе года, а земля по средневѣковой системѣ составляла центръ вселенной, какъ и другія планеты, солнце тоже имѣетъ вращеніе, но не свое собственное, а лишь сообщаемое ему хрустальнымъ небомъ, т. е. перводвигателемъ Пург. XXVII. 106. Все небо, слѣдуя за звѣздной сферой, подвигается отъ запада къ востоку на одинъ градусъ въ сто лѣтъ.

***) Такъ какъ Данте родился въ 1265 году, по словамъ Бокаччо, въ маѣ мѣсяцѣ и имѣлъ 9 лѣтъ, когда встрѣтилъ впервые Беатриче, означенный фактъ падаетъ на май 1274. Не лишено основанія утверженіе Бокаччо, что эта встрѣча произошла на праздникъ 1-го мая.

И здѣсь я скажу по истинѣ, что духъ жизни, обитающій въ сокровеннѣйшей камерѣ сердца, началъ дрожать такъ сильно, что это отразилось ужаснымъ образомъ въ мельчайшемъ біеніи пульса, и, трепеща, сказалъ такъ: Вотъ Богъ сильнѣйшій меня, который, придя, овладѣетъ мною.

Въ эту минуту духъ животный, обитающій въ высокоомъ покоѣ, куда всѣ духи чувствъ приносятъ свои воспріятія, началъ сильно удивляться и, обращаясь къ духамъ зрѣнья, сказалъ такія слова: Вотъ явилось Ваше блаженство. И тогда духъ естественный, обитающій въ той камерѣ, что управляетъ питаньемъ нашимъ, заплакалъ и, плача, сказалъ такъ: О, я несчастный! какъ часто впредь мнѣ будутъ мѣшать. И съ этихъ поръ, я утверждаю, Амуръ завладѣлъ моей душою, которая тотчасъ же ему подчинилась и началъ проявлять надо мною столько власти и силы, въ чемъ ему помогало мое воображенье, что мнѣ приходилось исполнять всѣ его желанья въ полной мѣрѣ. Онъ приказывалъ мнѣ много разъ, чтобъ я старался увидѣть этого юнаго ангела и въ отрочествѣ своемъ я часто искалъ ее увидѣть и такъ благороденъ и достоинъ похвалы былъ весь ея обликъ, что по истинѣ о ней можно было сказать словами поэта Гомера: Она казалася не дочерью смертнаго, но Бога. *)

И случилось, что образъ ея который постоянно былъ со мною, хотя Амуръ и властвовалъ надъ мною смѣло, —обладалъ такимъ благородствомъ, что ни разу не потерпѣлъ, чтобы Амуръ управлялъ мною безъ вѣрнаго разумнаго совѣта въ тѣхъ вещахъ, гдѣ такой совѣтъ мнѣ полезно было выслушать.

Но такъ какъ разсказъ о страстяхъ и поступкахъ такой ранней юности многимъ можетъ показаться басно-

словнымъ, то я остановлюсь тутъ и, пропуская многія событія, о которыхъ можно сдѣлать выводъ по примѣру рассказаннаго,—перейду къ словамъ, записаннымъ въ моей памяти въ дальнѣйшихъ главахъ.

ГЛАВА II.

Послѣ того, какъ прошло столько дней, что какъ разъ исполнилось девять лѣтъ со времени вышеописаннаго появленія той благороднѣйшей, настала наконецъ такой день, когда эта чудесная донна предстала предо мною, одѣтая въ бѣлоснѣжную одежду, между двухъ благородныхъ дамъ постарше ея и, проходя по дорогѣ, она обратила свой взоръ туда, гдѣ я стоялъ, испуганный; и по несказанной добротѣ своей, которая теперь получила свою награду въ вѣчности, она поклонилась мнѣ такъ привѣтливо, что мнѣ показалось тогда, словно я вижу всѣ предѣлы блаженства. И часъ, въ который достигъ до меня ея сладчайшій привѣтъ, былъ какъ разъ девятый того дня; а такъ какъ только въ первый разъ ея слова дошли до моего слуха, я охваченъ былъ такой сладостью, что словно опьяненный удалился отъ людей и забился въ самый отдаленный уголокъ своей комнаты, чтобы думать тамъ о ней, благороднѣйшей.

ГЛАВА III.

И когда я думалъ о ней, на меня снизошелъ неожиданно сладкій сонъ и въ немъ предстало мнѣ дивное видѣнье: казалось мнѣ, что въ комнатѣ своей я увидѣлъ облако огненнаго цвѣта и внутри его я различилъ обликъ мужа страшнаго вида *) для тѣхъ, кто на него взглянетъ.

И показался онъ мнѣ самъ такимъ веселымъ, что удивительно, и въ словахъ своихъ онъ выразилъ многое, но я понималъ только вотъ что: вотъ властелинъ твой.

*) Это былъ Амуръ.

И казалось мнѣ, что я вижу въ его рукахъ обнаженное существо, которое спало, обернутое, какъ мнѣ думалось, въ легкую ткань кроваваго цвѣта и когда я посмотрѣлъ на него очень внимательно, я узналъ въ ней ту, которая наканунѣ соизволила мнѣ поклониться. Въ одной рукѣ, казалось мнѣ, держалъ онъ что то, что горѣло ярко и я слышалъ такія слова: смотри, вотъ сердце твое. И немного погодя, онъ разбудилъ ту, которая спала и съ большимъ стараньемъ и искусствомъ онъ заставилъ ее отвѣдать того, что горѣло въ его рукахъ и она исполнила это съ нѣкоторымъ сомнѣньемъ.*)

И послѣ этого очень скоро его веселость перешла въ горчайшій плачь и такъ, плача, онъ охватилъ донну своими руками и съ нею вмѣстѣ, какъ мнѣ казалось, онъ полетѣлъ къ небу, отчего я исполнился такою тоскою, что слабый сонъ мой не могъ выдержать больше, онъ порвался и я внезапно проснулся. И сейчасъ же я началъ размышлять. Я нашель, что часъ, когда явилось мнѣ это видѣнье, былъ четвертый въ ночи и такимъ образомъ ясно, выходило, что онъ былъ и первымъ часомъ 9-ти послѣднихъ часовъ ночи. И думая о томъ, что я увидѣлъ, рѣшилъ я рассказать объ этомъ многимъ знаменитымъ трубадурамъ **) того времени. И такъ какъ я самъ тоже обладалъ уже раньше искусствомъ слагать слова въ риомы,—я задумалъ написать сонеть, въ которомъ, привѣтствуя всѣхъ вѣрныхъ Амуру, я прошу ихъ объяснить мое видѣнье, причемъ я долженъ былъ изложить все, что мнѣ приснилось. И тогда я началъ этотъ сонеть.

*) Аллегорія съѣденнаго возлюбленнымъ сердца своей милой нерѣдко встрѣчается въ средневѣковой поэзіи.

**) Слѣдуя провансальской традиціи Данте здѣсь употребляетъ слово trovatori, въ другихъ мѣстахъ poeti.

Сонетъ I.

Къ вамъ души нѣжныхъ и сердца влюбленныхъ
 Отъ имени Амура я съ привѣтомъ:
 Кто познакомится съ моимъ сонетомъ,
 Пусть смыслъ его откроетъ потаенный,
 Быль третій часъ на небесахъ бездонныхъ,*)
 Когда всего богаче звѣзды свѣтомъ —
 Дрожу я при воспоминаньи этомъ,
 Амуръ предсталъ моимъ очамъ смущеннымъ.
 Онъ сердце несъ мое и ликованья
 Казалось полонъ былъ; спокойно спящей
 Въ его рукахъ, въ прозрачномъ одѣяньи
 Увидѣлъ я мадонну; на прощанье
 Отъ пламеннаго сердца ей дрожащей
 Отвѣдать даль онъ и исчезъ съ рыданьемъ.

Этотъ сонетъ раздѣляется на 2 части: въ первой я шлю привѣтъ и прошу отклика; во второй я объясняю на что именно нужно отвѣтить.

Вторая часть начинается такъ: былъ третій часъ. На этотъ сонетъ отвѣтили многіе различными мнѣніями; между ними былъ тотъ, кого я считаю своимъ лучшимъ другомъ***) и тогда я написалъ сонетъ, который начинается такъ: *Vedesti al mio parere ogni valore.*

И это было началомъ нашей дружбы съ нимъ, когда онъ узналъ, что пославшій ему сонетъ былъ я.

Истинное значеніе моего сновидѣнья не было тогда понято никѣмъ, а теперь ясно самымъ простымъ людямъ.

ГЛАВА IV.

Со времени этого видѣнья мой естественный духъ

*) Собственно говоря Данте говорить о первой «трети ночи» не указывая точно часа. Перевожу третій часъ, т. к. эгацифра вездѣ играетъ у Данте особую мистическую роль какъ и 9.

**) Между, другими поэтами отвѣтвшими Данте былъ Чино да Пистойя и Данте да Майяно, оба извѣстные поэта того времени.

***) Это былъ другъ Данте и въ послѣдствіи его политическій противникъ — Гвидо Кавальканти.

сталъ терпѣть затрудненія въ своей дѣятельности т. е. душа моя вся была отдана мыслямъ о той благороднѣйшей и я сдѣлался въ короткое время такимъ хрупкимъ и слабымъ, что многимъ друзьямъ тяжело было на меня смотрѣть, а другіе, полные недоброжелательства, старались разузнать отъ меня о томъ, что я такъ хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ. Но я, понимая все коварство задаваемыхъ мнѣ вопросовъ, по волѣ Амура, приказывавшаго мнѣ сообразно съ велѣньями разума,—отвѣчалъ имъ: это Амуръ такъ властвуетъ надо мною. Я говорилъ—Амуръ, потому что на своемъ лицѣ я носилъ такіе явные знаки его, которыхъ нельзя было скрыть. И когда меня спрашивали, ради кого же тебя такъ измучилъ Амуръ? Я смотрѣлъ на нихъ, улыбаясь, и не отвѣчалъ имъ ничего.

ГЛАВА V.

Однажды, когда эта благороднѣйшая находилась тамъ, гдѣ раздаются слова въ честь царицы славы*), я помѣщался въ такомъ мѣстѣ откуда могъ видѣть свое блаженство, а между ею и мною, по прямой линіи сидѣла благородная донна очень привлекательнаго вида; она оглядывалась на меня часто, дивясь тому, что я смотрю въ ея сторону и ей казалось, что взглядъ мой кончался какъ разъ на ней, и многіе изъ присутствовавшихъ замѣчали это и такъ увѣрились въ томъ, что когда я выходилъ оттуда, я слышалъ, какъ мнѣ говорили вслѣдъ: видѣлъ, какъ эта донна заставляетъ его томиться! И когда они называли ее, я понималъ, что эта была какъ разъ та, что сидѣла по прямой линіи, которая вела отъ благороднѣйшей Беатриче и кончалась въ моихъ глазахъ. И я успокоился, понявъ, что моя тайна въ тотъ день не была открыта по лицу моему.

*) т. е. въ церкви, гдѣ поютъ хвалу Дѣвы Маріи.

И я душѣ промолвилъ неутѣшной:
 О, какъ любовь прекрасна этой донны,
 Что вызвала теперь мои рыданья.

ГЛАВА XXXVII.

Случилось такъ, что эта донна каждый разъ, какъ она меня видѣла, выражала въ лицѣ своемъ состраданіе и блѣднѣла, словно отъ любви; и я много разъ вспоминалъ о моей благороднѣйшей доннѣ, которая часто бывала такою же: И, конечно, много разъ, когда я не могъ плакать и тѣмъ облегчать свою печаль,—я шель, чтобы взглянуть на эту сострадательную донну *), которая, казалось, вызывала слезы изъ глазъ однимъ своимъ видомъ и потому я возымѣлъ желанье сказать слова о ней и написалъ этотъ сонетъ, который начинается словами: И блѣдный цвѣтъ любви, и который понятенъ безъ всякихъ раздѣленій изъ предыдущей главы.

С о н е т ъ 20.

И блѣдный цвѣтъ любви и состраданье
 Еще ни разу, какъ у Васъ, мадонна,
 Такъ не сливались дивно-умиленно
 При видѣ слезъ и горестныхъ терзаній,
 Когда услышать Вамъ пришлось рыданья
 Изъ устъ моихъ печалью истомленныхъ.
 И испугался Вами я смущенный,
 Что сердце разорвется отъ страданья,
 Но удержать не могъ я глазъ усталыхъ,
 Чтобы на Васъ такъ часто не смотрѣли;
 И слезы проливать,—одно желанье,—
 При видѣ Васъ еще сильнѣе стало.
 И отъ него глаза мои горѣли...
 Но плакать я при Васъ не въ состоянни.

*) По свидѣтельству Боккаччо—сострадательная донна была никто иное, какъ Джемма Донати, впоследствии жена поэта.

ГЛАВА XXXVIII.

Я дошелъ до того при видѣ этой донны, что мои глаза начали слишкомъ развлекаться, когда на нее смотрѣли; и это много разъ заставляло меня сердиться на свое сердце, и я считалъ его очень низкимъ, и часто я порицалъ суетность глазъ моихъ и говорилъ имъ въ мысляхъ своихъ: раньше вы обыкновенно заставляли плакать того, кто видѣлъ ваше горестное состояніе, а теперь вы, какъ кажется, хотите забыть о немъ, ради этой донны, которая смотритъ на васъ, а смотритъ она на васъ только посколькy она жалѣетъ преславную донну, которую вы оплакиваете; но что можете дѣлать, дѣлайте! ибо я буду часто напоминать вамъ о ней, проклятые глаза и никогда, развѣ только послѣ смерти, не должны остановиться ваши слезы. И когда я сказалъ это про себя глазамъ своимъ, меня осадили сильные и тревожные вздохи. И такъ какъ эта битва, которую я велъ самъ съ собою, осталась невѣдомой для всѣхъ, кромѣ того несчастнаго, который испыталъ ее, я рѣшилъ написать сонетъ и разъяснить въ немъ ужасное положеніе и написалъ слѣдующій сонетъ, который начинается словами: тѣ слезы горькія. Этотъ сонетъ имѣетъ 2 части: въ первой я говорю глазамъ моимъ, какъ будто бы сердце мое говорило во мнѣ самомъ; во второй—устраняю всякое сомнѣніе, разъясняя, кто и что говорить. И эта часть начинается словами: такъ сердце. Нужно было бы еще, пожалуй, сдѣлать раздѣленія, но они будутъ излишни, потому что все ясно изъ предыдущей главы.

С о н е т ъ 21.

Тѣ слезы горькія, что проливали
Глаза мои, вы долго въ огорченьи
Скорбѣтъ и плакать всѣхъ отъ сожалѣнья
Вы видѣли, невольнo заставляли,
Но чтобъ вы о томъ не забывали

И не желая заслужить презрѣнье,—
 Отъ васъ отнять я долженъ утѣшенье,
 Твердя о той, кого вы потеряли.
 О, какъ мнѣ ваша суетность презрѣнна,
 Ее боюсь такъ, что взглянуть нѣтъ силы
 Въ лицо той донны, что на васъ взираетъ
 «Глаза мои, должны вы до могилы
 О нашей доннѣ помнить незабвенной»,
 Такъ сердце говоритъ вамъ и вздыхаетъ.

ГЛАВА XXXIX.

Созерцаніе этой донны привело меня въ такое состояніе духа, что я часто думалъ о ней, какъ о той, кто мнѣ очень нравится и думалъ о ней такъ: это благородная донна, прекрасная, молодая и мудрая и она явилась мнѣ быть можетъ по волѣ Амура, чтобы моя жизнь стала легче. А много разъ я думалъ съ большею любовью о ней, такъ какъ сердце мое соглашалось съ этимъ разсужденіемъ. И когда я допускаялъ это, я начиналъ размышлять, какъ бы побуждаемый разумомъ, и говорилъ самъ себѣ такъ: что это за мысль, которая хочетъ меня утѣшить такимъ низкимъ способомъ и не оставляетъ мнѣ никакихъ другихъ мыслей. Потомъ вставала и другая мысль и говорила: теперь, когда ты находишься въ такой тревогѣ, почему не хочешь ты избавить себя отъ такой горечи? Ты видишь это дуновенье, которое приноситъ съ собою желанья Амура и исходитъ отъ такой благородной стороны, какъ та, гдѣ находятся глаза донны, которая показала себя такой сострадательной. И я, борясь съ собою, такимъ образомъ, много разъ захотѣлъ сказать еще и объ этомъ нѣсколько словъ и такъ какъ въ этой битвѣ мыслей побѣдили тѣ, которыя говорили за нее, мнѣ казалось подходящимъ обратиться къ ней; и я написалъ этотъ сонетъ, который начинается словами: я полонъ благородною мечтою. Я говорю

благородною, поскольку я думаю о благородной доннѣ, т. к. иначе она была бы самой низкой *).

Въ этомъ сонетѣ я дѣлю самого себя на 2 части, слѣдую тому, что мои мысли были раздѣлены на двое. Одна часть зовется сердце, т. е. желанье, другая зовется душа—т. е. разумъ. И я рассказываю, какъ они разговаривали между собою. А что подобаешь называть желаньемъ сердце, и разумомъ—душу, достаточно ясно для всякаго, кому мнѣ хотѣлось бы это открыть.

Правда и то, что въ предыдущемъ сонетѣ я обращаю сердце противъ глазъ моихъ, что какъ будто противорѣчить вышесказанному; и поэтому я говорю, что тамъ я еще не понимаю подъ словомъ сердце—желанье, потому что тогда я еще гораздо больше желалъ помнить о моей благороднѣйшей доннѣ, чѣмъ видѣть эту, и выходитъ такъ, что мое стремление къ ней уже было, но еще очень легкое; и отсюда ясно, что одно сказанное не противорѣчить другому. Этотъ сонетъ имѣетъ три части: въ первой я начинаю говорить этой доннѣ, какъ мое желанье все обратилось къ ней; во второй я говорю, какъ душа, т. е. разумъ говоритъ сердцу, т. е. желанью, въ третьей—говорю, какъ она отвѣчаетъ. Вторая начинается такъ: Душа спросила сердце; третья: и сердце молвило.

С о н е т ъ 22.

Я полонъ благородною мечтою,
 Что повѣствуетъ мнѣ о васъ прилежно
 И о любви бесѣдуетъ такъ нѣжно,
 Что сердцемъ я согласенъ съ ней одною.
 Душа спросила сердце: кто такое
 Стараются смягчить нашъ духъ мятежный?
 И почему такъ власть его безбрежна,

*) Неясное мѣсто. Вѣроятно авторъ хочетъ сказать, что самая мысль о благородной доннѣ благородна, если же мысль летитъ къ другому, менѣе достойному предмету, то становится низкой.

Что расстаюсь я съ мыслию иною.
 И сердце молвило душѣ смущенной:
 То духъ любви ко мнѣ приходитъ новый
 И посылаетъ мнѣ свои желанья,
 Всю силу жизни и всю власть готовый
 Излить въ глаза сочувственные донны,
 Чье сердце наши тронули страданья.

ГЛАВА XL.

Противъ этого противника разума встало однажды, около девяти часовъ, яркое видѣніе во мнѣ; мнѣ казалось, что я вижу эту преславную Беатриче въ кровавыхъ одеждахъ, какъ она предстала впервые очамъ моимъ; она казалось мнѣ юной, въ такомъ возрастѣ, какъ я ее увидѣлъ въ первый разъ. Тогда я началъ думать о ней, и при этихъ воспоминаньяхъ—какъ въ былыя времена,—сердце мое начало мучительно раскаиваться въ томъ желаньи, которому оно позволило собою такъ низко овладѣть на нѣсколько дней вопреки постоянству разума. И, прогнавъ это дурное желанье, вернулись всѣ мысли мои къ своей благороднѣйшей Беатриче: и я говорю, что съ тѣхъ поръ впредь я сталъ думать о ней такъ отъ всего пристыженного сердца моего, что вздохи свидѣтельствовали объ этомъ неоднократно и они почти всѣ, уходя, говорили о томъ, что твердило сердце, т. е. имя этой благороднѣйшей и какъ она ушла отъ насъ. И часто случалось, что столько боли приносила съ собою иная мысль, что я забывалъ и ее и непомнилъ, гдѣ я находился.

И это возвращеніе вздоховъ вернуло и исчезнувшіе слезы такъ, что мои глаза стали казаться двумя предметами, которые только и желаютъ плакать и часто случалось, что отъ долгаго плача вокругъ нихъ появлялся пурпурный цвѣтъ, который бываетъ у тѣхъ, кто терпитъ муки: отсюда ясно, что они были достойно награждены за свою суетность, такъ что съ тѣхъ поръ не могли видѣть никого изъ тѣхъ,

го на нихъ смотрѣлъ и могъ бы отвлечь ихъ отъ ихъ на-
 брѣнія. И я, стремясь, чтобы такое дурное желанье и
 напрасное искушеніе оказалось разрушеннымъ такъ, что
 никакое сомнѣніе не могло закрасться въ тѣ стихи, что я
 казалъ раньше, рѣшилъ написать сонетъ, въ которомъ я
 разъяснилъ бы смыслъ этого разсужденія. И я написалъ тогда:
 вы, мои несчетныя... Я говорю—увы! потому, что я сты-
 дился того, что глаза мои были такъ суетны. Я не раздѣ-
 лю этого сонета, такъ какъ смыслъ его и такъ ясенъ.

С о н е т ъ 23.

Увы! мои несчетныя вздыханья,—
 Ихъ мысли въ сердцѣ горестномъ рождали,—
 Глаза мои такъ сильно утомляли,
 Что невозможно стало созерцанье.
 У нихъ остались только два желанья:
 Страдать и слезъ потоки лить въ печали.
 И плакать тѣ глаза такъ часто стали,
 Что ихъ обвинилъ Амуръ вѣнцомъ страданья.
 И мыслей тѣхъ и вздоховъ рой смятенный
 Наполнилъ сердце горестной тоскою;
 И сталъ тогда Амуръ совсѣмъ смиреннымъ,
 Вѣдь вздохи силою полны такую:
 Звучить въ нихъ имя нѣжное Мадонны
 И много словъ о смерти той блаженной.

ГЛАВА ХЛІ.

Послѣ этихъ волненій случилось такъ: въ это время
 погіе шли, чтобы увидѣть благословенный образъ, кото-
 рый Иисусъ Христосъ оставилъ намъ, какъ отпечатокъ
 своего прекраснаго лица, что созерцаеть теперь во славѣ
 сей моя донна, что нѣкоторые пилигримы проходили по
 дорогѣ, которая идетъ почти посерединѣ того города, гдѣ
 жила и умерла благородная донна и шли они,
 какъ мнѣ казалось, глубоко задумавшись. И я, размышляя

о нихъ, сказалъ самому себѣ: эти пилигримы навѣрное издалека, и я не вѣрю, что они что нибудь слыхали объ этой доннѣ. Они, мнѣ кажется, ничего о ней не знаютъ; такимъ образомъ и мысли ихъ объ иномъ, а не о ней; быть можетъ они думаютъ о своихъ далекихъ друзьяхъ, которыхъ мы не знаемъ. Потомъ я сказалъ про себя: я знаю, что если-бы они были изъ ближайшихъ мѣстъ, то навѣрно ихъ лица были бы омрачены при прохожденіи черезъ городъ печали. И еще я сказалъ самому себѣ: если бы я могъ задержать ихъ немного, я бы могъ ихъ заставить плакать, прежде чѣмъ они ушли бы изъ этого города, и потому я скажу такія слова, которыя заставятъ плакать всякаго, кто ихъ услышитъ. Итакъ, когда они скрылись изъ виду, я рѣшилъ написать сонетъ, въ которомъ я бы выразилъ то, что я сказалъ самому себѣ; и чтобы онъ вышелъ болѣе жалобнымъ, я рѣшилъ сказать такъ, какъ будто бы я говорилъ съ ними. И я написалъ этотъ сонетъ, который начинается словами: о, пилигримы.

Я говорю—пилигримы, слѣдуя широкому значенію этого слова, такъ какъ пилигримы можно понимать въ двоякомъ смыслѣ—въ широкомъ и въ узкомъ. Въ широкомъ—пилигримъ всякій, кто находится внѣ своего отечества, въ узкомъ—пилигримомъ зовется только тотъ, кто идетъ къ дому святого Якова или оттуда возвращается. И нужно сказать, что, собственно говоря, три названія имѣютъ люди, которые идутъ на служеніе Всевышнему. Они зовутся—пальмоносцы, если они идутъ за море *), туда, гдѣ часто носятъ пальму; они называются—пилигримами, когда они идутъ въ Галисію, потому что могила Св. Якова была дальше отъ его родины, чѣмъ всякаго другого Апостола. Они зовутся «Romei» **), когда идутъ въ Римъ, куда шли и тѣ, кого я здѣсь называлъ пилигри-

*) Въ святую землю.

**) Слово, непереводаемое на русскій языкъ. Не римляне, а „идушіе въ Римъ“.

мами. Этотъ сонетъ не дѣлится, т. к. смыслъ его совершенно ясенъ.

О, пилигримы, тихо вы идете,
 И о вещахъ нездѣшнихъ размышляя.
 По виду вашему я заключаю—
 Въ далекихъ странахъ вѣрно, вы живете.
 Зачѣмъ же вы горячихъ слезъ не льете,
 Печальный городъ нашъ пересѣкая,
 Какъ будто ничего о томъ не зная,
 Что въ нашихъ горестныхъ мѣстахъ найдете.
 Когда бы вы на мнѣ остановились,
 Я чувствую, что съ горькими слезами
 Вы слушали-бъ мое повѣствованье.
 Такъ знайте: Беатриче мы лишились,
 Все, что о ней расскажемъ мы словами,
 Заставить плакать васъ отъ состраданья.

ГЛАВА XLII.

Двѣ благородныя донны обратились ко мнѣ, прося меня прислать имъ эти мои стихи; и я, думая объ ихъ благородствѣ, рѣшилъ послать имъ и сдѣлать что нибудь новое, чтобы я могъ послать съ этими стихами вмѣстѣ, чтобы болѣе достойнымъ образомъ исполнить ихъ просьбу. И я написалъ тогда сонетъ, въ которомъ я рассказываю о своемъ состояннн и послалъ его имъ съ предыдущимъ сонетомъ вмѣстѣ и еще съ другимъ, который начинается словами: Придите выслушать etc. Сонетъ, который я тогда написалъ это: За сферу ту.

Онъ имѣеть въ себѣ 5 частей: въ первой я говорю о томъ, куда направлена моя мысль, называя ее по тому дѣйствию, которое она производитъ. Во второй я говорю, зачѣмъ она идетъ туда, т. е. кто ее заставляетъ такъ идти; въ третьей говорю, что она тамъ видитъ, т. е. почитаемую

донну. И я зову тогда свою мысль странствующимъ духомъ, потому что она идетъ туда духовнымъ образомъ, какъ пилигримъ, который находится внѣ своей родины. Въ четвертой части я говорю, какъ мысль эта видитъ ее такой, т. е. съ такими свойствами, что я не могу ихъ постичь; это значить, что мысль моя возносится къ свойствамъ той донны въ такой мѣрѣ, какой не можетъ постичь мой умъ; отсюда выходить, что умъ нашъ такъ относится къ этимъ блаженнымъ душамъ, какъ глазъ нашъ смиренный къ солнцу; объ этомъ говоритъ философъ *) во второй части своей Метафизики. Въ пятой части я говорю, что хотя и я не могу видѣть тамъ, куда меня влечетъ моя мысль, т. е. къ ея чудеснымъ свойствамъ, но все же я понимаю это, т. к. въ мысляхъ моихъ я слышу часто ея имя. И въ концѣ этой пятой части я говорю:—о донны дорогія, чтобъ дать понять, что я обращаюсь къ доннамъ. Вторая часть начинается: Амурамъ плачущимъ; третья: когда предѣла; четвертая: и этотъ духъ; пятая: я знаю лишь одно. Нужно было бы разумѣть еще болѣе подробно, и еще яснѣе растолковать, но можно обойтись и съ этимъ раздѣленьемъ и потому я и не приступаю къ дальнѣйшему **).

С о н е т ъ 25.

За сферу ту, чье шире всѣхъ вращенье,
 Мой вздохъ изъ глуби сердца вылетаетъ;
 Рыдающій Амуръ въ него влагаетъ
 Тотъ новый духъ и вверхъ летѣтъ стремленье.
 Когда предѣла онъ достигъ влеченія
 Онъ видитъ ту, что всякій прославляетъ
 И странствующій духъ мой созерцаетъ
 Блισταющую донну въ восхищеньи.

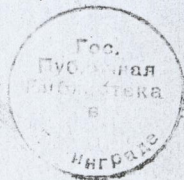
*) Аристотель.

***) Вся эта глава какъ бы подготовленіе къ „Раю“ Божественной комедіи. У поэта еще нѣтъ откровенія, но есть уже предчувствіе, что любовь къ Беатриче вознесетъ его въ эмпірей.

Но этотъ духъ пытается напрасно
 Мнѣ дать того, что видѣлъ описанье,
 Вѣдь сердцу не понять слова такія,
 Я знаю лишь одно, о той прекрасной,
 О Беатриче въ нихъ напоминая,
 Вотъ что я пснIALь, донны дорогія.

ГЛАВА XLIII.

Послѣ того, какъ я написалъ этотъ сонетъ, представало мнѣ чудесное видѣнье и въ немъ я созерцалъ такія вещи, которыя заставили меня принять рѣшенье—больше не говорить объ этой благословенной, до тѣхъ поръ, пока я могу сказать о ней болѣе достойнымъ образомъ. И въ ожиданіи этого я сталъ учиться, сколько могъ, какъ она о томъ, навѣрное, знаетъ. Такъ что, если будетъ угодно тому, которымъ живы всѣ вещи, чтобы моя жизнь продолилась еще нѣсколько лѣтъ, я надѣюсь сказать о ней нѣчто такое, чего никогда не было сказано ни объ одной доннѣ *). И потомъ пусть угодно будетъ тому, кто Господинъ Благородства, чтобы моя душа могла бы летѣть туда, гдѣ она бы увидѣла славу своей донны, т. е. благословенной Беатриче, которая блаженно созерцаетъ лицо того, кто благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь!

VIII фил. Г.Л.Б.

ПК инв. 9028

*) Это указаніе на то, что въ головѣ поэта зародилась тогда мысль о Божественной комедіи, которая была бы достойнымъ памятникомъ Беатриче. Видѣніе это составило какъ бы ядро поэмы, такъ какъ его приурочиваютъ къ явленію Беатриче въ земномъ раю. За нимъ слѣдуетъ полетъ по сферамъ небеснымъ вмѣстѣ съ нею,—до него прохожденіе черезъ адъ въ сопровожденіи Virgilія, т. е. земной мудрости. Беатриче надо здѣсь понимать какъ символъ Божественнаго откровенія.